

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ШКОЛЯРЫ (к вопросу об отношениях с городской и университетской средой)

Гусева Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия, gmar@inbox.ru

Аннотация. Средневековые университеты были сосредоточением интеллектуальной мысли своей эпохи. Они оставили глубокий след в культурной жизни стран. Большинство университетов возникали или рядом с городом, или внутри муниципальных стен. Это заставляло город и университет выстраивать свою систему отношений, а «ученое сообщество» – предъявлять определенные требования к учащимся, в частности к внешнему виду, поведению, форме занятий. Исследование показало, что своеобразным идеалом для университета выступало монашеское общежитие, скромность студентов, стремление к знаниям. Так, одежда должна была отражать статус учащегося, принадлежность к определенному факультету или землячеству. Запрещалось носить заостренные туфли, оружие, демонстрировать богатство, достаток. Форма и механизм проведения занятий также регламентировались со стороны администрации университетов. Особые отношения складывались у школяров с окружающей их городской средой. Важно было контролировать пришлых людей в городе, регулировать плату студентов за наемные квартиры, закрепление их за магистрами. В большинстве конфликтов между сторонами королевская власть принимала позицию университетов. В итоге, в частности, в Кембридже сформировалась модель «Кембридж – город в университете».

Ключевые слова: университет, Средние века, одежда, поведение, отношения «ученого сообщества» и города.

Для цитирования: Гусева М.А. Средневековые школяры (к вопросу об отношениях с городской и университетской средой) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 60–65. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-60-65>

Research Article

MEDIEVAL SCHOLASTIC GUILDS MEMBERS (on the issue of relations with urban and university environment)

Marina A. Guseva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, agro-biotechnological university of the Upper Volga, Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru

Abstract. Medieval universities were the centre of intellectual thought of their era. They had left a deep mark on the cultural life of national states. Most universities emerged either near a town or within its walls. This forced the town and the university to build their own system of relations; while the ‘scholastic guild’ imposed certain requirements on the students, in particular on their appearance, behaviour and form of study. The paper showed that what acted as a kind of ideal for the university, was the monastic dormitory, the modesty of students, the pursuit of knowledge. Thus, clothing was to reflect the status of a student, belonging to a certain faculty or being a compatriot. Stiletto shoes, cold weapons, ostentatious wealth – all these things were forbidden to wear or to possess. The form of study and the programme of classes were also regulated by the university administration. A special relationship was formed with the surrounding urban environment in the ‘guild’ members. It was important to control new inhabitants in the town, the timeliness of students’ payment of their hired accommodation; many of the above responsibilities were assigned to the masters. In most conflicts between the parties, the royal authority would accept the position of the universities. As a result, in Cambridge in particular, the model of ‘Cambridge – a city within a university’ formed.

Keywords: university, Middle Ages, clothing, behaviour, relations between “scholastic guild” and town.

For citation: Guseva M.A. Medieval scholastic guilds members (on the issue of relations with urban and university environment). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 60–65 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-60-65>

Средневековый университет соединил в себе людей, которые хотели получить знания, и людей, способных эти знания дать. Со временем из стен университетов вышла особая плеяда «ученых людей», генерирующая и интересующаяся новыми идеями, которые нередко опережали свою эпоху.

Интересно рассмотреть, что же представляло собой средневековое студенчество (деление на «нации», образ монашеского общежития, формы проведения занятий), а также как складывались отношения «ученого сообщества» с городской и университетской средой, установить требования последней к «своим» подопечным.

В англоязычной медиевистике средневековые университеты изучены довольно хорошо [Brooke, Cobban, Rashdall]. Так, работы А. Коббана охватывают основные вехи истории старейших университетов Англии – Оксфорда и Кембриджа, деятельность колледжей. В отечественной историографии освещение получили лишь отдельные аспекты деятельности университетов [Гусева 2014: 11–14]. В частности, события XIV века в Кембридже, а именно восстание У. Тайлера, где гнев горожан оказался направлен на представителей «ученого сообщества», рассмотрены в работе А.А. Кирилловой [Кириллова]. Отношения церкви с университетами изучали М.Н. Панютина, В.А. Евсеев [Евсеев, Панютина: 123–125]. Отдельное изыскание В.А. Евсеева посвящено анализу взаимосвязи между университетскими и городскими корпорациями Оксфорда и Кембриджа, установлению причин их конфликтов в XIII–XIV веках [Евсеев: 37–58]. Коллективный труд по истории европейского Средневековья являет собой «Город в средневековой цивилизации Западной Европы». В нем представлены различные стороны жизни городов указанной эпохи. В частности, П.Ю. Уваров на примере Парижского университета показал его роль в жизни отдельных регионов и королевства в целом, деятельность землячеств или «наций» в вопросах самоуправления данного «ученого сообщества» [Город 4: 51–65]. А.В. Лычагин исследовал взаимоотношения английских университетов с церковью и городской средой в XIII – начале XV века [Лычагин]. Общие вопросы происхождения средневековых университетов Европы, их структуру, основные формы обучения изучили О.Э. Душнин и В.В. Ряполов [Душнин: 26–31; Ряполов: 15].

Таким образом, мы видим, что в центре внимания отечественных и зарубежных медиевистов находились общие вопросы социально-политического, социально-экономического характера, история отдельных университетов. Отношения «ученых мужей» с городом и университетской средой остаются пока относительно неизученными вопросами. Частично восполнить эти пробелы призвана настоящая работа.

В качестве источников для нашего изыскания послужили «Анналы Кембриджа», или «Погодные записи Кембриджа». В них представлен перечень основных событий жизни города. В частности, в издании мы находим информацию о появлении в пределах городской черты университета, отдельных аспектах отношений «ученого сообщества» и местных жителей, муниципальной общины. В исследовании задействован первый том издания [Annals 1].

Другими источниками являются статуты отдельных университетов Европы, послания монархов, переписка школяров. Они представлены в изданиях «Документов по истории университетов Европы XII–XV вв.» [Документы], «Антологии педагогической мысли христианского Средневековья» [Антология].

Первое собрание скомпоновано по разделам, отражающим разную направленность представленных документов. В частности, «Университет и католическая церковь», «Организационная структура университетов», «Учебный процесс» и др. Второе также подразделено на главы. Например, «Рождение средневековой педагогики – основания европейского образования». «Христианское образование и Античность». Другой том издания представлен рубриками: «От схолии к схоластике: становление педагогики классического средневековья», «Единство и многообразие: средневековые педагогические идеалы», «Учительный долг: магистр в школе и университете». В нашем исследовании использован второй том собрания, затрагивающий XI–XV века.

Отдельные сведения о жизни университетов, взаимоотношениях с внешней средой представлены в труде П. Абельяра «История моих бедствий» [Абельяр].

Все указанные документы дают нам довольно большой пласт информации по истории и различным внутренним аспектам жизни университетов Европы. Находят в них свое отражение и вопросы взаимоотношений «ученых сообществ» с муниципальной средой, горожанами.

Средневековый университет был одним из центров учености своей эпохи. Инициаторами создания «ученых сообществ» могли выступить как светская власть, так и церковь. Первой требовались грамотные чиновники, юристы, второй – знающие проповедники, специалисты канонического права. Некоторые из университетов образовывались стихийно, например, как в Кембридже. При этом церковь обладала правом пожалования магистрам, получившим степень в одном университете, возможности преподавания в других учебных заведениях. Подобное правило распространялось не на все университеты Европы. В частности, оксфордские магистры не обладали данной привилегией, а Кембриджский университет пользовался ей уже с XIV века. Согласно булле Папы Александра IV от 1255 г., магистры университета Са-

ламанки после соответствующего экзамена получали право преподавать в любом университете Европы, исключая Париж и Болонью [Документы: 25].

Студенческое сообщество делилось на землячества или «нации». Так, в XIII веке в Болонье было 13 землячеств. В Пражском университете в XIV веке было всего 4 землячества: богемское, польское, баварское, саксонское.

В разных университетах состав одних и тех же «наций» мог отличаться. Например, в Болонском университете к «германской нации» относились богемцы, моравяне, литовцы и датчане. В Пражском университете моравяне, венгры и славяне входили уже в богемскую «нацию». Представители от каждой «нации» находились в качестве советников при ректоре университета.

Интересно, что национальный состав и название «наций» мог зависеть от политической обстановки в стране. Так, во время Столетней войны «английская нация» Парижского университета была переименована в германскую, а большинство англичан покинули университет [Город 4: 55].

Отметим, что присутствие школяров на определенных занятиях регламентировалось также принадлежностью к землячествам. В частности, статуты Болонского университета в начале XV века указывали, что при анатомировании мужского трупа 5 слушателей должны были представлять ломбардскую «нацию», 4 – тосканскую, 4 – римскую, 3 – ультрамонтанскую, 3 – город Болонья. При вскрытии женского тела 8 человек были из ломбардской «нации», 7 – из тосканской, 7 – из римской, 5 – из ультрамонтанской, 3 – жители Болоньи [Документы: 45].

По данным П.Ю. Уварова, зачастую «нации» объединяли жителей одного региона, которые в обычной жизни были разобщены и не воспринимали себя как единое целое. Традиционно прибывший в Париж студент приписывался к одному из преподавателей своего землячества. Самостоятельный выбор учителя школяром был весьма ограничен – действовал принцип территориального единства.

«Нация» могла ходатайствовать перед факультетами о дополнительной помощи своим землякам, помогала нести расходы, связанные с получением степени; отстаивала интересы соотечественников в различных конфликтах и спорах. Также «нации» играли знаковую роль в системе присвоения степеней. Представители землячеств следили за качеством преподавания, вмешивались в решение административных дел. В частности, в 1443 г. французская и пикардийская «нации» не поддержали решение старших факультетов о проведении значимой процессии и запретили студентам в день торжества появляться на улице [Город 4: 54, 60].

Таким образом, землячества играли довольно весомую роль в жизни университетов, школяров.

На наш взгляд, можно говорить и об определенной иерархии факультетов. Например, в университетских статутах мы находим указания на порядок следования представителей разных сообществ на значимых церковных и светских мероприятиях. Возглавлял процессию ректор, далее располагались магистры теологии, доктора канонического права, доктора гражданского права, магистры медицины, деканы, лиценциаты, ... , бакалавры теологии. Последние должны были присутствовать в беретах, а по особому распоряжению – в мантиях.

В Парижском университете особое внимание было уделено учащимся свободных искусств и теологии. В частности, при погребении студентов данных факультетов обязательно было присутствие половины магистров. Если же умирал один из магистров, то остальные должны бодрствовать всю ночь и лично читать псалтырь или обеспечивать другим способом его чтение [Документы: 10, 40].

Средневековый школяр за период обучения мог проявить себя в разных видах работы: как хороший слушатель, убедительный оратор, талантливый диспутант. Известно, что основными формами обучения были лекции, диспуты и «репетиции» [Антология 2: 206]. Последнее представляло собой вариант, отчасти напоминающий современный коллоквиум. Обычно данное занятие проходило в форме детального объяснения определенного отрывка текста, иногда это был оживленный диалог между магистром и школяром. Практиковалось повторение уже прочитанного, его сжатый пересказ. В диспутах же ученик и учитель могли доказывать противоположные точки зрения [Абеляр: 1–2].

Университеты предъявляли отдельные требования к поведению, внешнему виду и образу жизни «своих» школяров. Стремилась они регулировать и их отношения с городской средой.

Известно, что в Средние века одежда человека отражала его статус, социальное положение. Внешний вид школяров должен был указывать на принадлежность к факультету, место в иерархии в качестве «ученого мужа».

Например, в Сорбонне в XIV веке разрешалось использовать лишь закрытое верхнее одеяние. Запрещались любые украшения, в частности шелковая отделка. В Парижском университете магистрам следовало носить строгую черную мантию, спускающуюся до пят. Разрешалось использование паллия. Но запрещалось носить туфли с удлиненными носками или особой отделкой. Магистр искусств во время лекций, диспутов не мог надевать митру и укороченное по бокам верхнее платье [Документы: 19, 36, 61]. В период возведения в степень в классах и на проповедях студенты факультета «свободных искусств» носили мантию или сутану. Это показывало важность момента [Антология 2: 208].

Нередко школяры нарушали подобные требования, что вызывало недовольство среди простых обывателей. Например, в Кембридже в начале XIV века горожане жаловались на слишком привольную и вызывающую одежду школяров, веселый нрав, длинные волосы, спадающие на плечи, завитые и напудренные. Их одежда была оторочена дорогим мехом и имела свисающие рукава, которые не прикрывали локти. Туфли удивляли своей расцветкой – в красную и зеленую клетку. Пальцы школяров украшались кольцами, а на талии находились большие и дорогие пояса, покрытые эмалью с позолотой [Annals 1: 95].

Обычно каждая университетская община имела свой знак на одежде, который был записан в специальной книге. А любой член сообщества мог понять принадлежность школяра к «нации», факультету.

Одежда могла свидетельствовать и о статусе своего владельца в качестве «ученого мужа». Например, статуты Парижского университета сообщали, что «студент, претендующий на степень бакалавра, приходит на публичный акт... находясь в своей обычной одежде. После этого педель велит ему подняться, облачиться в одежду бакалавра и сесть между бакалаврами...» [Документы: 55]. Студенты факультета «свободных искусств» в период возведения в степень и при получении права на преподавание должны были носить мантии или сутаны в классах, на проповеди.

Университеты стремились создать идеал «ученого мужа», который ведет близкий к монашескому образ жизни [Антология 2: 188–189]. Так, в своем произведении П. Абеляр призывал вместо изысканных кушаний питаться полевыми растениями и сухим хлебом, вместо мягких постелей – устраивать себе ложе из сена и соломы... Ссылался он и на Ветхий завет, когда «сыны пророческие, были подобны монахам, строили себе хижины вблизи реки Иордана и, оставив города и шумные скопления людей, питались ячменной крупой и полевыми травами» [Абеляр: 12].

В документах медицинской школы в Монпелье говорилось, что «будущий выпускник не должен мечтать о богатстве или погоне за счастьем, но точно стремиться прочесть знаки в книге Природы...» Статуты же факультета «свободных искусств» Парижского университета указывали, что студентам следовало слушать лекции, сидя на полу, дабы показать смирение.

В середине XIV века врач из Валенсии писал сыновьям, что нужно ограничивать себя в пище, в частности в употреблении сырых луковиц, молока и сыра, которые притупляют разум и чувства. Необходимо гулять каждый день по утрам и вечерам, часто играть в мяч. Это позволит сохранить здоровье [Документы: 13, 53].

Пропагандировались идеи общежития, совместных трапез, где нужно быть немногословным и скром-

ным. Принимать пищу у себя в комнате можно только при болезни или наличии кровоточащих ран. Остатки пищи возвращались распорядителю, который передавал их бедным клирикам. Запрещались пляски перед домом, азартные игры и «что-либо неподобающее перед началом лекции» [Документы: 36, 61, 66].

Своя система отношений складывалась у школяров с окружающей их городской средой. В частности, это касалось разделения полицейско-контрольных и административных функций сторон.

Очевидно, что университеты привлекали к себе большое число людей. Возникал вопрос о необходимости регулирования их пребывания в пределах городской черты. Так, статуты Кембриджа требовали, чтобы каждый школяр был прикреплен к определенному магистру или покинул город в течение двух недель. В Париже никто не мог считаться студентом, если не имел учителя, способного за него поручиться. На это будущему школяру отводилось 15 дней. Запрещалось учащимся носить оружие или что-то похожее на него, а университету – защищать нарушителей покоя, которые формально числились студентами, но на занятиях не присутствовали [Документы: 19, 24]. В Кембридже в домах, где проживали школяры, была введена должность «старшего» или принципала, отвечавшего за поведение «своих» подопечных. А с 1268 г. в каждом городском квартале избирались двое уважаемых местных жителей, которые контролировали нахождение на территории пришлых людей [Annals 1: 52, 117].

Другой проблемой во взаимоотношениях школяров и горожан был вопрос платы за съемное жилье, приобретаемую пищу, бытовые принадлежности. Известно, что университеты изначально не имели своих помещений и были вынуждены снимать их у горожан. Последние нередко завышали арендную плату. Так, в XIII веке в Кембридже была создана специальная комиссия из горожан и представителей университета, которая контролировала плату за сдаваемое местными жителями жилье [Annals 1: 52]. В документах Парижского университета мы находим жалобу «ученого сообщества» о «досаждении школярам по уплате таксы за дома». В Кракове в XIV веке при основании университета король потребовал, чтобы новоприбывшие школяры могли покупать пищу без дополнительной пошлины, а дрова, приобретенные за пределами Краковской провинции, ими свободно провозились в город.

Исследование показало, что постепенно отношения между городом и университетами стали выстраиваться в относительно стройную систему [Гусева 2018: 139–141]. Но большая часть привилегий постепенно переходила к «ученому сообществу». Так, вопрос подсудности школяров был решен в пользу университетов, церкви. Клирики оказались непод-

судными для светского суда, а школяры-миряне недосягаемы для властей города. При анализе статутов можно сказать, что в большинстве возникающих конфликтов виновенной стороной оказывались горожане, которые «всячески препятствовали росту науки» [Документы: 63–64].

Также на протяжении Средневековья отмечается и рост земельных владений университетов, образуются целые кварталы, где компактно проживали школяры. Подобный район появился в центре Парижа в середине XIV века. А дофин Карл разрешил перекрыть улицы воротами, дабы оградить студентов от преступных посяганий горожан и других «врагов науки» [Документы: 64]. В Кембридже в XIV–XV веках на территории города образуется ряд крупных университетских колледжей: Клэр, Пембрук, Гонвилл и Кэйюси, Тринити Холл, Корпус Кристи. Заметим, что изначально колледжи основывались по принципу монастырского общежития. Основатель колледжа даровал ему городские дома, земельные участки, которые в дальнейшем разрастались. Постепенно владения университетских колледжей оказывались неотъемлемой частью городской среды. Так, в 1446 г. жители Кембриджа жаловались королю на опустение домовладений и невозможность собрать десятинный сбор, связывая это с возросшими владениями Кингз колледжа и исключением школяров, магистров из системы налогообложения [Annals 1: 197–198]. Заметим, что если в XIV веке по объему налогообложения Кембридж занимал 20-е место из 42 городов, то в начале XVI века находился уже на 29-м месте [Hoskins: 176–177].

Таким образом, мы видим, что университеты, возникнув внутри муниципального сообщества, вынуждены были выстраивать свою систему отношений с городом. Школяры же требовали пристального внимания со стороны университетских властей. Последние пропагандировали образ студента, который должен вести близкий к монашескому стиль жизни, стремиться к познанию наук. Статуты университетов регламентировали одевание и поведение школяров, призывая их к умеренности. Муниципальные корпорации также организовывали свою систему отношений с «учеными сообществами».

Однако постепенно университеты стали завоевывать все больше привилегий, которые ограничивали свободы городских корпораций. Отмечается рост земельных владений «ученых сообществ». Они освобождаются от налогового бремени, а клирики и школяры становятся неподсудными для суда городов. Таким образом, сформировалась, в частности в Англии, модель «Кембридж – это город в университете».

Список литературы

Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2 / сост., вступ. ст. и общ. ред.

В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. Москва: Аспект Пресс, 1994, 352 с.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Extra muros: город, общество, государство. Т. 4. Москва: Наука, 2000. 354 с.

Гусева М.А. Контрольно-полицейские полномочия городских властей Кембриджа и университета в XIII веке. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Архангельск: САФУ, 2014. № 1. С. 11–14.

Гусева М.А. К вопросу об отношениях города и университета Кембриджа в XIII–XIV веках // Аграрный вестник Верхневолжья. 2018. № 4. С. 139–141.

Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / под ред. Г.И. Липатниковой. Воронеж: ВГПИ, 1973. 157 с.

Душин О.Э. Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 17. Вып. 2. С. 26–31.

Евсеев В.А., Панютина М.Н. Церковь и становление английских средневековых университетов. Церковно-исторический ежегодник. Иваново: ИВГУ, 2002. С. 123–125.

Евсеев В.А. Борьба университетской и городской корпораций: столкновения школяров и горожан (на примере Оксфорда и Кембриджа XIII–XIV вв.) // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 37–58.

Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV вв. Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV–XV вв. Москва: [б. и.], 1969. С. 240–249.

Лычагин А.В. Эволюция взаимоотношений английских университетов с церковью, государством и городской средой в XIII – первой половине XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2001. 314 с.

Ряполов В.В. Возникновение средневековых университетов: содержание и формы обучения // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 1 (9). 15 с.

Annals of Cambridge, ed. by Ch.H. Cooper. Cambridge, Warwick and Co., 1842, vol. 1, 452 p.

Brooke Ch. A History of the University of Cambridge. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004, 320 p.

Cobban A.B. The English university life in the Middle Ages. Cambridge, Scholar press, 2004, 281 p.

Cobban A.B. The Medieval Universities: their development and organization. London, Methuen, 1975, 264 p.

Hoskins W. Local history of England. London, Longman, 1959, 307 p.

Rashdall H. The Universities of Europe in the middle ages. Cambridge, Cambridge univ. press, 2010, 562 p.

References

Antologija pedagogičeskoj mysli hristianskogo Srednevekov'ja [An anthology of pedagogical thought of the Christian Middle Ages], comp., introductory article and

general ed. by V.G. Bezrogov, O.I. Varyash. Moscow, Aspekt Press Publ., 1994, vol. 2, 352 p. (In Russ.)

Dokumenty po istorii universitetov Evropy XII–XV vv. [Documents on the history of European universities of the XII–XV centuries], ed. by G.I. Lipatnikovoj. Voronezh, VGPI Publ., 1973, 157 p. (In Russ.)

Evseev V.A., Panjutina M.N. *Cerkov' i stanovlenie anglijskih srednevekovyh universitetov* [The Church and the formation of English medieval universities]. *Cerkovno-istoricheskij ezhegodnik* [Church historical yearbook], 2002, pp. 123–125. (In Russ.)

Evseev V.A. *Bor'ba universitetskoj i gorodskoj korporacij: stolknovenija shkoljarov i gorozhan (na primere Oksforda i Kembriidzha XIII–XIV vv.)* [The struggle between university and city corporations: clashes between schoolchildren and townspeople (on the example of Oxford and Cambridge in the XIII–XIV centuries)]. *Intelligencija i mir* [Intelligentsia and the World], 2024, No. 1, pp. 37–58. (In Russ.)

Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. Extra muros: gorod, obshhestvo, gosudarstvo [A city in the medieval civilization of Western Europe. Extra muros: city, society, state]. Moscow, Nauka Publ., 2000, vol. 4, 354 p. (In Russ.)

Guseva M.A. *Kontrol'no-policejskie polnomochija gorodskih vlastej Kembriidzha i universiteta v XIII veke* [The control and policing powers of the city authorities of Cambridge and the University in the XIII century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) State University], 2014, No. 1, pp. 11–14. (In Russ.)

Guseva M.A. *K voprosu ob otnoshenijah goroda i universiteta Kembriidzha v XIII–XIV vekov* [On the issue of relations between the city and the University of Cambridge in the 13th–14th centuries]. *Agrarnyj vestnik*

Verhnevolzh'ja [Agrarian Bulletin of the Upper Volga Region], 2018, No. 4, pp. 139–141. (In Russ.)

Kirillova A.A. *Klassovaja bor'ba v gorodah Vostochnoj Anglii v XIV vv.* [Class struggle in the cities of East Anglia in the XIV century]. *Voprosy social'noj i klassovoj bor'by v anglijskih gorodah XIV–XV vv.* [Issues of social and class struggle in English cities of the XIV–XV centuries]. Moscow, 1969, pp. 240–249. (In Russ.)

Lychagin A.V. *Jevoljucija vzaimootnoshenij anglijskih universitetov s cerkov'ju, gosudarstvom i gorodskoj sredoj v XIII – pervoj polovine XV vv.: dis. ... kan. ist. nauk.* [The evolution of the relationship of English universities with the Church, the state and the urban environment in the XIII – first half of the XV centuries: PhD thesis]. Stavropol', SGU Publ., 2001, 314 p. (In Russ.)

Annals of Cambridge, ed. by Ch.H. Cooper. Cambridge, Warwick and Co. Publ., 1842, vol. 1, 452 p.

Brooke Ch. A History of the University of Cambridge. Cambridge, Cambridge Univ. Press Publ., 2004, 320 p.

Cobban A.B. The English university life in the Middle Ages. Cambridge, Scholar press Publ., 2004, 281 p.

Cobban A.B. The Medieval Universities: their development and organization. London, Methuen Publ., 1975, 264 p.

Hoskins W. Local history of England. London, Longman Publ., 1959, 307 p.

Rashdall H. The Universities of Europe in the middle ages. Cambridge, Cambridge univ. press Publ., 2010, 562 p.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.